

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

З.Р. Казанбаева

О ПОНЯТИИ И ПРЕДЕЛАХ ПРАВА УДЕРЖАНИЯ

Право удержания как самостоятельный способ обеспечения исполнения обязательств не является новым для национального гражданского права, равно как не является результатом прямого заимствования аналогичных институтов других правопорядков. По мнению исследователей, уделивших пристальное внимание изучению исторического развития данного института, удержание, представляет собой институт, длительное время формировавшийся в правовой доктрине на основе обычного и торгового права дореволюционной России[11].

В советской правовой доктрине удержание весьма обоснованно не рассматривалось как способ обеспечения исполнения обязательств и признавалось мерой оперативного воздействия кредитора на должника[2]. На нормативном уровне право удержания закреплялось в специальных институтах, предусматривающих передачу вещи в качестве необходимого элемента правоотношения.

Действующим гражданским законодательством удержание имущества должника признано способом обеспечения обязательства, хотя и не совсем типичным. Краткость законодателя в регулировании рассматриваемого института (праву удержания посвящены лишь две статьи кодекса) порождает необходимость подробного судебного и доктринального толкования.

Институт права удержания, наряду с общей категорией способов обеспечения исполнения обязательств, стало предметом ряда монографических исследований. В первую очередь необходимо назвать работу Б. М. Гонгало «Общие положения учения об обеспечении обязательств»[3], С. Н. Сарбаша «Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств», диссертацию Л. Н. Якушиной «Удержание в системе способов обеспечения исполнения обязательств»[4], ряд статей в специализированных периодических изданиях[5]. Названные работы в достаточной мере и в правильном ракурсе раскрывают как теоретические основы рассматриваемой защитной меры, так и многие общие вопросы практического правоприменения. Вместе с тем, существует ряд нетипичных ситуаций, когда нормами специального гражданского законодательства изменяется правовой режим какого-либо отдельного правоотношения (истечение срока исковой давности по обязательству) либо целой группы правоотношений (в случае банкротства субъекта этих правоотношений). Такие изменения оказывают существенное влияние и на связанные с основными дополнительные правоотношения.

Именно связанные с такими нестандартными правовыми ситуациями вопросы правового регулирования удержания остаются явно недостаточно исследованными. В настоящей работе мы попытаемся проанализировать некоторые пределы¹ субъективного права удержания, при этом нами будет доказываться тезис о том, что, не смотря на отсутствие формальных ограничений права удержания, осуществление последнего имеет определенные границы, порождаемые не позитивными законоустановлениями, но глубинными, сущностными чертами данного правового института и общими началами гражданского законодательства во взаимосвязи со специальными институтами гражданского законодательства.

Основные содержательные моменты права удержания состоят в следующем. Согласно п. 1 ст. 342 Гражданского кодекса Кыргызской Республики кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или по возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено; при этом требования ретентора могут быть удовлетворены из стоимости удерживаемой вещи по правилам, предусмотренным для залога.

Исходя из законодательной формулировки, можно заключить, что удержание оказывает двоякое

¹ В. П. Грибанов выделял ряд пределов осуществления гражданских прав: 1) субъектные; 2) временные; 3) назначение права; 4) способ осуществления права; 5) характер и пределы средств принудительного осуществления и защиты (Грибанов В. П. Пределы осуществления гражданских прав. – М.: Статут. – С. 48-49). Исходя из данной классификации, предметом настоящей работы являются временные пределы права удержания.

влияние на правоотношения сторон по обеспеченному обязательству. Во-первых, в качестве меры оперативного воздействия удержание вещи до момента надлежащего исполнения оказывает стимулирующее воздействие на контрагента-должника, поскольку ограничивает его в пользовании собственным имуществом. Этот компонент права удержания может в принципе обеспечивать исполнение любого обязательства, особенно в отношениях между предпринимателями. Во-вторых, главное обеспечительное свойство удержания обуславливается возможностью удовлетворения требования из состава имущества должника. Это значительная гарантия защиты имущественных интересов кредитора в случае неисправности должника. Удовлетворение происходит в порядке, предусмотренном Гражданским кодексом для залоговых обязательств – а потому возможно только в денежной форме². Исходя из этого, представляется необходимым, чтобы предоставляемое обеспечение и обеспечиваемое обязательство были однородными, а значит, исходя из смысла закона, удержание может эффективно обеспечить лишь исполнение денежного обязательства. Вряд ли в связи с этим удержанию может быть приписано свойство универсальности – ему не до конца соответствует сама природа рассматриваемой обеспечительной меры.

Следовательно, положение п. 2 ст. 342 Гражданского кодекса необходимо толковать так, что удержанием могут обеспечиваться и иные [денежные] обязательства, стороны которого действуют как предприниматели; слово *иные* означает «не связанные с оплатой *этой* вещи». Установление п. 1 той же статьи относительно состава обеспечиваемых удержанием обязательств носит существенный, а не формальный характер, поскольку предопределено самой природой рассматриваемой обеспечительной меры.

De lege ferenda вопрос о праве ретентора на получение удовлетворения своих притязаний за счет удерживаемой вещи остается дискуссионным, несмотря на однозначное его законодательное решение в п.3 ст. 342 ГК КР. Так В. А. Белов, присоединяясь к мнению А. В. Венедиктова и М. М. Агаркова, указывает, что «право на реализацию предмета удержания не составляет неотъемлемого правомочия права удержания ... (и по мнению А. В. Венедиктова является) отдельным правом – правом «внесудебной экзекуции удержанных ценностей» ... суть права удержания – исключительно в возможности удерживать вещь, необходимую должнику, принуждая последнего исполнить лежащие на нем обязанности ... Право же реализации предмета удержания (право экзекуции) или право его оставления кредитором в своей собственности – это особые, специфические способы обеспечения исполнения обязательств, которые должны в каждом конкретном случае оговариваться в договорах между кредитором и должником»³.

Вместе с тем, следует признать, что разнородность объединенных законодателем в юридической конструкции удержания двух составляющих порождает некоторую неопределенность, в частности, при установлении момента возникновения права продажи вещи ретентором⁴. При отсутствии в законе указания на иное, это право возникает вместе с правом удержания, в момент наступления просрочки исполнения обязательства. Следовательно, кредитор, продающий «удерживаемую» вещь немедленно по получении сведений о неисправности должника, формально действует в рамках права, установленного ст. 342 ГК КР. В этом случае право удержания редуцируется до чистого права (хотя и ограниченного формальными процедурами, установленными ст. 334-336 ГК КР) продажи чужого имущества, зачастую никак не связанного с обеспечиваемым таким образом обязательством. Очевидно, что данная ситуация не соответствует сущности удержания как института, обеспечивающего *исполнение* обязательства, то есть направленного в первую очередь на добровольное исполнение обязанности должником. Следовательно, между моментом применения кредитором удержания вещи и моментом обращения на эту вещь взыскания должен пройти срок, определяемый в каждом конкретном случае исходя из личности кредитора и должника, особенностей обеспечиваемого обязательства и ряда других могущих иметь значение признаков с учетом

² в силу положений ст. 336 Гражданского кодекса КР, предусматривающих обязательную продажу заложенного имущества с публичных торгов и удовлетворение требований кредитора за счет вырученной от продажи денежной суммы.

³ Белов В. А. Новые способы обеспечения исполнения банковских обязательств // <http://www.nns.ru/archive/banks/1997/11/03/evening/21.html> (www-документ) – 7 июня 2004 г. Позиция М. М. Агаркова по данному вопросу не представляется нам такой однозначной, как показывает ее В. А. Белов. Например, в курсе лекций по основам банковского права читаем: «право удержания может подобно залоговому праву давать преимущество при удовлетворении из стоимости удерживаемой вещи» (Агарков М. М. Основы банковского права. Курс лекций // М: БЕК. – 1994. – С. 118.) Данная формулировка весьма сходна с правилом п.3 ст. 342 ГК КР.

⁴ Однако даже такая разнородность не является еще основанием для разделения права удержания на два самостоятельных способа обеспечения исполнения обязательств. Как отмечает А. В. Латынцев, любым обеспечивающим правоотношениям (включая и способы обеспечения исполнения обязательств) свойственны защитный и стимулирующий признаки. При этом стимулирующий понуждает должника исполнить обеспеченное обязательство надлежащим образом под страхом наступления невыгодных последствий, а защитный (компенсационный) признак призван компенсировать либо предотвратить неблагоприятные последствия для кредитора. Отсутствие любого из этих признаков не позволяет квалифицировать правовой институт в качестве способа обеспечения (Латынцев А. В. Обеспечение исполнения договорных обязательств // М: Лекс-Книга. – 2002.). Аналогия с институтом удержания очевидна, причем, исходя из разделяемой нами позиции диссертанта, «чистое» право удержания не является обеспечивающим правоотношением в силу отсутствия у него компенсационного признака.

требования разумности в осуществлении гражданских прав.

В противном случае для недобросовестных кредиторов открывается путь законного завладения имуществом должника. Пожалуй, единственным способом защиты для должника в рассматриваемом случае является возражение, основанное на п. 1 ст. 9 ГК КР – представляется весьма уместным квалифицировать действия кредитора в качестве злоупотребления гражданским правом в иной форме. Данная эксцепция может быть заявлена собственником в процессе, инициированном ретентором с целью обращения взыскания на удерживаемую вещь. При обосновании недобросовестности кредитора представляется необходимым доказывать направленность его действий по реализации права удержания не на исполнение обеспеченного обязательства, а на отчуждение вещи третьему лицу (связанному тем или иным образом с ретентором) или на лишение должника определенной вещи (например, с целью нарушения нормального хода его предпринимательской деятельности, если ретентор является конкурентом должника).

С другой стороны, и первый компонент рассматриваемой правовой конструкции – собственно удержание вещи – имеет свои пределы, хотя и не закрепленные нормативно, но предопределяемые, по нашему мнению, «духом закона». Как правильно отмечает Л. Н. Якушина, «Право удержания ... не может продолжаться бесконечно» поскольку «с момента его возникновения уже рассчитано на прекращение». «В законе, по мнению диссертанта, должны быть определены сроки применения права удержания до реализации удерживаемой вещи» [4].

Представляется, что осуществление права удержания должно быть ограничено сроком исковой давности по обеспечиваемому обязательству. Рассмотрим доводы в пользу данного тезиса.

Во-первых, предположение бесконечности права удержания противоречит оперативному характеру данной обеспечительной меры. Именно в качестве меры оперативного воздействия, а не сделки, представляется нам необходимым квалифицировать такой случай юридически значимого правомерного поведения, как удержание⁵. Воздействие удержания на должника предопределяется соотношением его интереса к получению удерживаемой вещи обратно в свое владение (потенциального положительного эффекта) и затрат, связанных с исполнением обеспеченной удержанием обязанности (потенциальный отрицательный эффект). Очевидно, что с течением времени обеспечительная сила удержания как такового значительно снижается, а по прошествии трех лет будет практически сведена к нулю: если должник обходился без своей вещи в течение столь продолжительного срока, то, скорее всего он уже утратил интерес к владению ей. Как следствие, стимулирующее воздействие на должника нивелируется и не приводит к должному результату – надлежащему исполнению обязательства.

Во-вторых, из признания неограниченности права удержания во времени неизбежно следует возможность дестабилизации гражданского оборота. В ситуации, когда должник воздерживается от исполнения обязательства, а кредитор уполномочен сколь угодно долго удерживать имущество⁶, возникает фигура невладельца собственника, не имеющего правовых оснований для возврата владения. Одновременно и владелец, ретентор, не может приобрести права собственности на удерживаемую вещь – правило о приобретательной давности к нему неприменимо, ведь он заведомо осведомлен о действительном собственнике и не может добросовестно владеть вещью как своей собственной в смысле п. 1 ст. 256 ГК КР.

⁵ Подробное обоснование верности данного тезиса не охватывается предметом настоящей статьи. Отметим вкратце, что удержание имеет целью обеспечение исполнения уже существующего обязательства, не оказывает влияния на исходные права и обязанности сторон и не направлено, поэтому на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей в смысле ст. 172 ГК КР. Наоборот, обе указанные нами ранее составляющие *удержания* как обеспечительной меры представляют собой *реализацию права удержания*, возникающего в силу наличия сложного юридического состава.

При этом удержанию свойственны все признаки мер оперативного воздействия, выявленные профессором В. П. Грибановым в работе «Пределы осуществления и защиты гражданских прав»: 1) неразрывная связь с обязательственным отношением; 2) направленность на охрану прав и интересов управомоченного; 3) характер одностороннего действия, осуществимого без обращения к компетентным органам; 4) специфические гарантии, предоставляемые обязанному лицу; 5) вероятность наступления неблагоприятных последствий для обязанного лица; 6) первоочередная направленность на побуждение другой стороны к надлежащему исполнению обязанностей – обеспечение надлежащего исполнения (Грибанов В. П. *осуществление и защита гражданских прав* // М.: Статут. – 2000. – С. 132 - 137. Поскольку в советском законодательстве после ГК 1922 года общие нормы об удержании отсутствовали, автор прямо называет в качестве *меры оперативного воздействия, связанной с обеспечением встречного удовлетворения*, «право перевозчика задержать выдачу груза до получения встречного удовлетворения» (там же, С.144).

Обоснование иной точки зрения, относящей реализацию права удержания к сделкам, можно найти в работе С. В. Сарбаша «Право удержания как способ обеспечения обязательств» и диссертации Л. Н. Якушиной «Удержание в системе способов обеспечения обязательств». Следствием выдвигаемой уважаемыми авторами теории является необходимость государственной регистрации удержания недвижимости, что приводит к технической невозможности удержания недвижимости вообще, а при решении технических аспектов – сводит на нет обеспечительное свойство удержания, которое теряет и оперативность, и односторонность.

Отстаиваемая нами позиция такого недостатка лишена. И если о том, каким образом должна реализовываться данная мера в отношении натуральной недвижимости, дискуссия вполне возможна и даже оправдана (см. Сарбаш С. В. Материалы доклада на конференции "Гражданское законодательство России на современном этапе: проблемы и пути развития" 14-15 февраля 2002 г. [www-документ] // http://www.privlaw.ru/z060502_1502.html), то возможность удержания недвижимости в силу закона – воздушных и водных судов, сделки с которыми также подлежат госрегистрации – неоспорима.

⁶ Вряд ли найдется кредитор, готовый последовать совету В. А. Белова «поискать другой предмет для удержания» в ситуации, когда должник не «старается исполнить обязательство как можно скорее, чтобы получить вещь назад», поскольку «удерживаемая вещь ему (должнику – А. Т.) просто не очень-то и нужна». (Белов В. А. Указ. соч.).

Реализация первой (оперативной) составляющей права удержания связана только с действиями самого управомоченного (кредитора) и не нуждаются в поддержке каких-либо юрисдикционных органов. Вместе с тем, для удовлетворения требований кредитора за счет удерживаемого имущества обязательно получение соответствующего судебного решения в порядке, установленном ст. 335 ГК КР. Установленные данной статьей исключения из судебного порядка обращения взыскания вряд ли практически применимы к реализации права удержания в силу одностороннего характера последнего, и неизбежно присутствующего конфликта между сторонами⁷.

Анализ положений ст. 335 ГК КР приводит нас к выводу, что единственной возможностью избежать необходимости получения судебного акта, разрешающего кредитору обратиться взыскание на удерживаемое имущество является заключение соглашения с должником об изменении порядка обращения взыскания. В любом случае такое соглашение может быть заключено лишь после возникновения права удержания – после возникновения оснований для обращения взыскания на предмет удержания в смысле п. 1 ст. 335 ГК КР, а при удержании недвижимого имущества – требует еще и нотариального удостоверения. Однако наличествующий в ситуации с удержанием конфликт между ретентором-кредитором и должником вряд ли позволит достичь компромисса. Даже если предположить, что большинство описанных коллизий будет разрешаться по взаимному согласию, сама возможность наступления патовой и длящейся юридически неограниченно долго ситуации с не желающими уступить друг другу сторонами, существующим законом прямо не исключена.

Очевидно, что в случае истечения исковой давности по обеспеченному обязательству, и заявления об этом должником в суде, принудительное обращение взыскания на удерживаемое имущество станет невозможным. Таким образом, кредитор (ретентор, владелец) будет неспособен удовлетворить свое требование за счет удерживаемого имущества, а должник (собственник) не сможет истребовать это имущество и восстановить полноту своего права собственности – ведь формально право кредитора сроком не ограничено.

В силу показанных нами деструктивных последствий для нормального гражданского оборота и снижения обеспечительного эффекта по истечении исковой давности владение ретентора необходимо признать противоречащим принципу добросовестности и разумности при осуществлении предоставленного ему права удержания. Удовлетворение иска собственника об истребовании удерживаемой вещи по истечении давности равнозначно отказу в защите права кредитора-ретентора. Нормативным основанием для такого судебного решения будет являться п. 2 ст. 9 Гражданского кодекса Кыргызской Республики, однако применена данная конструкция может быть лишь при условии последовательной мотивировки, основанной на фактических обстоятельствах конкретного дела и позволяющей охарактеризовать осуществление кредитором права удержания как недобросовестное.

Предложенную нами позицию не следует толковать как возврат к теории исковой давности как пресекающего срока, что противоречило бы не только современной цивилистической доктрине, но и действующему законодательству, установившему, что исковая давность применяется судом только по заявлению стороны в споре. Истечение исковой давности не прекращает материального (в нашем случае – обязательственного) права требования, обеспеченного удержанием и влечет прекращение права на иск в смысле получения судебной защиты. Вместе с тем, нам представляется правильным применительно к праву удержания рассмотрение исковой давности по основному обязательству в качестве срока существования права [6]. Данное мнение основывается на том, что удержание как мера обеспечения исполнения обязательства, хотя и имеет целью добросовестное и добровольное исполнение, внутренне все же направлено на принудительное исполнение обязательства. Поэтому предоставление ретентору права удержания за пределами исковой давности, когда иные возможности принудительного исполнения исчерпаны, является несправедливым по отношению к должнику.

Отвечая на возможные возражения, заметим, что ограничение права удержания исковой давностью в целях обеспечения стабильности оборота является ничуть не более жесткой или менее оправданной мерой, чем установление общего правила об исковой давности как предела права на судебную защиту любого лица. Ведь как совершенно правильно отметил И. Б. Новицкий, «введением института исковой давности вообще не имеется в виду кого-то наказывать, для кого-то создавать выгоды. Задача ... состоит в том, чтобы, не расшатывая правоотношений, не подрывая их прочности, вместе с тем устранить неопределенность правоотношений» [7], вызываемую неразумно длительным воздержанием кредитора от обращения за помощью к суду, несмотря на имеющее место нарушение права.

Исходя из изложенного, мы делаем вывод об ограниченности во времени права удержания. При

⁷ Этот конфликт весьма вероятно помешает заключению соглашения по правилам п. 1 ст. 335 ГК КР.

этом право удержать вещь возникает у кредитора в момент просрочки должника, момент возникновения права обратить взыскание на удерживаемую вещь не совпадает с возникновением права удержания и должен определяться (а при возникновении спора – и оцениваться судом) на основе критериев добросовестности и разумности. Прекращаются обе составляющие права удержания одновременно – с истечением исковой давности по основному обязательству.

1. Сарбаш С. В. Право удержания как способ обеспечения исполнения обязательств. М.: Статут. – 1998.
2. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. – М.: Статут. – 2000. – С. 132-164.
3. Гонгало Б.М. Гражданско-правовое обеспечения обязательств. Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. Екатеринбург. – 1999.
4. Якушина Л.Н. Удержание в системе способов обеспечения исполнения обязательств: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук // <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=111241> (10.06.2004).
5. Белов В. А. Новые способы обеспечения исполнения банковских обязательств // <http://www.nns.ru/archive/banks/1997/11/03/evening/21.html> (www-документ) – 7 июня 2004 г.; Макаров Д. Ю. Право удержания как новый способ обеспечения исполнения обязательств // Юрист. – 2000. – №8. – С. 28-29; Сарбаш С. В. Право удержания в Великобритании // Государство и право. – 1998. – №10. – С. 102-106.
6. Е. А. Суханов относит к таковым сроки, с истечением которых «субъективное гражданское право прекращается, а возможность его реализации утрачивается» и которые призваны «придать известную определенность и устойчивость гражданскому обороту» (Гражданское право: В 2 т. Том 1: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – М.: Волтерс Клувер. – 2004. – С. 466).
7. Новицкий И. Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат. – 1954. – С. 150.

Р.Ш. Бигзаев

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ АКЦИОНЕРНЫМ ОБЩЕСТВОМ И АКЦИОНЕРАМИ

Опыт развитых стран показывает, что права акционеров в организационно – правовой форме, такой как акционерное общество холдингового типа, могут быть надежно защищены только при соблюдении трех условий: прозрачности деятельности акционерного общества и эффективном раскрытии информации, а также эффективной работе управляющих акционерным обществом, органов.

К началу 2000-х годов на законодательном уровне основные права акционеров в большинстве стран с переходной экономикой, такие как регистрация собственности и переход (передача) акций, были обеспечены относительно надежно. Тем не менее эта ситуация сложилась не так давно и касается, в основном, торговли ценными бумагами и прав на них.

В 2000-2001 году большинство стран СНГ внесли изменения в гражданское законодательство регулирующие вопросы деятельности юридических лиц, и приняли новые законы об акционерных обществах (либо внесли важные поправки в уже существующие), а также внесли поправки в гражданский кодекс, как основополагающий документ. В ряде случаев поправки были связаны с процессом приведения законодательства стран с переходной экономикой в соответствие с требованиями ЕС. Это касается, например, поправок, связанных с детализацией процедуры предоставления информации акционерным обществом и увеличением минимального размера уставного капитала акционерного общества. Другие изменения связаны с проблемами защиты прав миноритарных акционеров в связи с ростом числа реорганизаций общества.

В соответствии с подпунктом 3) статьи 1 Закона РК «Об акционерных обществах» от 13 мая 2003 года № 415 – II (далее – Закон об АО) акционер – это лицо, являющееся собственником акции. Причем Закон об АО выделяет две категории акционера: миноритарный и крупный акционеры. В соответствии с пунктом 17 статьи 1 Закона об АО миноритарный акционер — акционер, которому принадлежат менее десяти процентов голосующих акций акционерного общества. Пункт 23 этой же статьи содержит понятие крупного акционера, то есть это акционер или несколько акционеров, действующих на основании заключенного между ними соглашения, которому (которым в совокупности) принадлежат десять и более процентов голосующих акций акционерного общества.

Право участия и голосования на общем собрании акционеров формально предоставляется во всех бывших социалистических странах, но эффективная способность акционеров влиять на процесс принятия решений на самом деле невелика. Широко распространены методы, препятствующие акционерам, особенно миноритарным, действительно участвовать в общих собраниях акционеров и голосовать на них. Эти методы связаны с информацией о собрании акционеров, месте его проведения и процедурах голосования.